

Кадетское письмо

№ 101. Буэнос-Айрес, январь 2018. XXIII год издания.

С Рождеством Христовым! С новым годом!

«Кадетское письмо» сердечно поздравляет с праздником Рождества Христова и с Новолетием всех кадет в России и в Русском Зарубежье и всех друзей и читателей, с их семьями, и желает им всего наилучшего в новом году, и благодарит всех приславших нам свои поздравления. +

В потоке столетних годовщин

«Столетний период... имеет самым очевидным образом существенное значение». (Н. Я. Данилевский).

Исторически самым судьбоносным столетием в прошедшем 2017 году несомненно была столетняя годовщина Катастрофы 1917 года, когда была насильно прервана тысячелетняя эволюция Государства Российского.

Предварительный этап этой давно подготавливаемой катастрофы начался с летучек, изготовленных в одном союзном иностранном посольстве, и с инструкций конспиративным ложам из другой союзной страны. После февральского подготовительного путча, Ленин прибыл из Германии, в сопровождении роты иностранных агентов, а Троцкий из США, со своей свитой, тоже с иностранными документами, деньгами и ритуальной символикой.

В прошлом году также исполнилось столетие начала преодоления этой Катастрофы. Уже через 11 дней после октябрьского путча, 5 ноября 1917 года было восстановлено Патриаршество на Руси, а 15 ноября началось Белое Движение. В результате последовавшего пятилетнего вооруженного сопротивления Белой армии, состоявшей главным образом из воинов Русской императорской армии, интернациональные революционеры и агенты вынуждены были насильно мобилизовать на свою защиту ранее демобилизованных воинов Русской армии. Так, под внешней оболочкой «рабоче-крестьянской красной армии», тогда смогла сохраниться частично Русская Армия, затем победившая в страшной войне 1941-1945 годов, после того, как передовая часть РККА оказалась в немецком плену.

Так, сто лет тому назад были заложены фундаменты для восстановления Государства Российского и его преобразования из идеологического псевдопролетарского государства снова в русское историческое многонациональное государство, с помощью двух традиционных конституционных институций России: **Русской Церкви и воинства российского.** +

Рождество в Белой Церкви в 1944 году

Голгофа русских офицеров и преподавателей Первого Русского кадетского корпуса в Изгнании

Дорогие братья кадеты, 20 ноября 2013 года Костя Волошинов переслал мне записки из записных книжек Николая Анненкова, Владимира Александрова, Полк. Н.Е. Филимонова, Екатерины-Кати Дунич, Нины Михайловны Скрыбин. Их текст было трудно прочесть, но содержание меня тронуло до глубины души. Я решил перепечатать для вас и для Истории трудно читаемое важное содержание записок. Нам надо знать всю трагичную судьбу, постигшую дорогих нам русских людей.

Первого октября 1944 года Советские войска с партизанами Тито вошли в Белую Церковь. В этом городе проживало много русских семейств, которые после гражданской войны в России, нашли себе в нём приют и убежище.

Этот город стал известным по существованию там Русской Православной Церкви, Николаевского Кавалерийского. Училища (1921 – 1923 годы), Русского кадетского корпуса, Мариинского Донского девичьего института, Старческого Дома для русских эмигрантов, в котором доживали свой век герои Великой и Гражданской войн.

Как известно, в сентябре 1944 года был спешно эвакуирован последний на чужбине Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус, без предварительной к этому подготовки. Молниеносное наступление Красной Армии, через капитулировавшую Румынию, застал всех врасплох, и эвакуация происходила хаотично, без нужных ответственных решений. Грузились в два открытых товарных вагона. Исполняющий должность фельдфебеля, кадет XXV выпуска Михаил Скворцов, навёл нужный порядок, и настала минута тяжёлого прощания с остававшимся персоналом корпуса, которые не смогли пуститься в рискованное отступление в неизвестность.

Кадеты съехались для начала учебного года, а тут мы еле успели переодеться в формы и осмотреться, как стало известно, что красная Армия нагрянет, чуть ли не каждый момент. Нас три кадета, Кирей, Ермаков и Змунчила решили спасти наши святыни-знамёна, и побежали на второй этаж, где находился наш музей. Там мы не смогли убедить полк. Барышева, заведующего музеем, что бы он позволил нам завернуть на себе знамёна и увести их с корпусом, и тем спасти их от наступающих красных. На наши горячие доводы он ответил: «Не позволю! Я останусь умирать среди святыни». Это было сказано с эмоцией и большим убеждением. Полк. Барышев предчувствовал свой последний час – оно так и случилось. Красными музей был уничтожен, а полк. Барышев расстрелян.

В последний момент мы побежали грузиться. На перроне мы стали прощаться с нашими любимыми наставниками навсегда. Наш батюшка-монах, Отец Антоний Бартошевич подозвал меня к себе и благословил меня своим золотым нательным крестом, которым он был крещён ещё в России. Этот крест спасал меня от всяких опасностей и напастей всю мою жизнь, и стал для меня самой драгоценной святыней.

Наш состав тронулся. На последнем вагоне-платформе развивался большой трехцветный флаг. Сердца наши сжимались, смотря на уходящий вдаль вокзал с дорогими и близкими нам людьми. Потом виднелось наше здание, а потом исчезла и Белая Церковь. Начинались хождения по мукам для кадет Первого Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса и закрытие в скором будущем самого корпуса.

Через почти сорок лет, уже в 1983 году, я познакомился с семьей Анненковых. Ещё до войны, эта семья приютила у себя девушку сербку Катю Дуничь. Русские девушки, жившие во время летних каникул в этой семье, стали учить Катю русскому языку и грамоте, которые она осилила без всякого труда, и стала читать русские книги. Катя, Екатерина Петровна как её позже величали, обладала незаурядной памятью. Будучи «живой энциклопедией», она знала всё о русской колонии в Белой Церкви. Вот что она поведала:

«В декабре 1944 года был издан приказ – всех немцев и русских эмигрантов сослать в лагерь. По её рассказу, многих отправили в лагерь в Банатском Карловце, а других заточили в лагерь в Белой Церкви. С несчастными расправлялись партизаны в формах, среди них находился и Светолик Суботич, преподаватель в сербской гимназии, позже он стал её директором с 1949 по 1963 годам.

Под угрозой расстрела было приказано арестованным по очереди подходить к столу и выкладывать на него все имеющиеся драгоценности, как крестики, кольца, браслеты, цепочки, часы и.т.д. Подошла очередь полк. Скалона, преподавателя французского языка в корпусе, у него на пальце было обручальное кольцо, которое он не смог снять. Этим негодяям полк. Скалон сказал: «Если хотите забрать у меня единственное воспоминание о моей покойной жене – то рубите палец!». Тройка партизан переглянулась, и рубить палец не стала.

В корпусное здание, находящееся напротив железнодорожного парка, поместили многих старух и стариков, среди которых были и наши офицеры воспитатели. В бывших кадетских спальнях на полу, на соломе лежали наши мученики. Полковник Филимонов достал из гимнастического зала кожаную подушку, и вместо соломы лежал на ней. По ночам заходили патрули и заставляли зимой открывать окна, говоря, что в спальне «спёртый воздух». Однажды, ночью, вошли в спальню убийцы и по списку стали вызывать мучеников. Среди них увели полк. Потапова, капитана Лаврова и других. Павел Иванович Лавров обнял свою супругу и только успел ей сказать: «Ну, Дора, больше мы с тобой никогда не увидимся, прощай...». На следующий день один партизан из стражи щеголял в фуфайке одного из уведенных, что доказывало его участие в ночных расстрелах.

В сочельник вечером ворвались «молодчики» и приказали в морозную ночь раскрыть окна, выкинуть вон солому из неотапливаемого помещения, затем помыть деревянный пол и расстелить другую солому. После такого «сочельника» многие старики умирали от воспаления лёгких.

Полковник Николай Евгеньевич Филимонов рассказал о тяжких днях, проведенных в лагере, основанном в конце 1944 года в Белой Церкви, где были заключены многие русские: Так называемое «освобождение Югославии», принесло нескончаемые бедствия для нас русских. Уже впервые дни «свободы» нас стали сгонять в лагерь, вместе с местными немцами - фольксдойчерами. В одном из них были заключены многие русские жители Белой Церкви, включая меня и других офицеров-воспитателей и преподавателей последнего русского кадетского корпуса на чужбине.

Нас заключили в здании бывшего кадетского корпуса, где все спальни были набиты заключёнными русскими, в большинстве стариками и старушками. Спали на полу, на соломе. Я и ещё некоторые раздобыли кожаные подушки-матрацы из гимнастического зала и спали на них. Отношение к заключённым было прескверное. Многие больные старики лежали без медицинской помощи. Стоял холодный декабрь месяц, а помещения не отапливались. Вечером, в сочельник, в нашу спальню ворвалась группа партизан, крича и ругая, что в помещении смрад, приказали нам убрать старую солому, помыть полы, внести новую солому и оставить окна открытыми всю ночь, пока пол не высохнет. Издеваясь над нами, **они нас «поздравили» с праздником Рождества**, желая нам по-сербски «сретно Баднье вече». На следующий день многие старики простудились, ибо им пришлось спать на мокром полу при открытых окнах всю ночь. Вскоре многие умирали от воспаления лёгких.

В одну ночь в наше помещение вошли вооружённые «кнойевцы» (корпус народной обороны), разбудили всех заключённых и стали вызывать по списку некоторых из нас, сказав, чтобы приготовились к выходу. Вызван был и капитан Лавров, инвалид без одной руки, которую он отдал Отечеству на войне. Он, Человек с большой буквы, никому в жизни ничего плохого не сделавший. Он предчувствовал беду, обнял свою супругу и сказал: «Дора, больше никогда мы не увидимся, прощай!»... С ним были выведены офицеры-воспитатели полк. И. Н. Потапов, кап. Б. В. Шестаков, М. Т. Кныш и преподаватель В. Н. Кожин. О них больше никто ничего не слышал... Только через десять лет, когда супруге кап. Шестакова понадобились некоторые сведения о её муже, чтобы получить пенсию, она обратилась к белоцерковским

властям, объяснив им, что получение пенсии будет зависеть от того жив ли её муж, пропавший без вести. Ей был дан ответ, что её муж вместе с другими русскими был выведен из лагеря и расстрелян той же ночью. Некто К.Н. работала переводчицей в военной команде, она рассказала, что в Белой Церкви при обысках советскими организациями СМЕРШ и НКВД были найдены списки членов «Объединения Кириловцев», мизерные членские взносы которых составляли четверть одного динара (25 пара) в месяц. По этим спискам члены этой организации были арестованы и вскоре расстреляны.

В те времена жила в Новом Бечее семья Толстых – внук и два правнука Льва Николаевича Толстого. Олег, бывший кадет 7-го класса, XXVI выпуска, Илья, бывший кадет 4-го класса, XXIX выпуска. Оба брата были мобилизованы в «Народно-освободительную Армию» Тито. Случилось так, что Олег познакомился с одним советским офицером и сказал ему свою фамилию. Офицер спросил, не потомок ли он писателя Льва Толстого? Олег ответил, что он правнук. Разговорились, офицер спросил о родителях Олега, и он объяснил, что родители арестованы и сидят в лагере, а он и младший брат – солдаты Народно-освободительной Армии Тито. Офицер возмущился: «Раз вы солдаты партизанские, почему же ваши родители сидят в лагере?» Через месяц пришел приказ к здешним властям: выпустить русских из лагерей, и вернуть им их имущество и квартиры, и не трогать их больше. Тогда все русские вернулись из лагерей и им вернули их имущество (до 1949 года, когда их начали снова просеивать). Семью Толстых вызвали в СССР, и она поселилась в Москве. Олегу и брату Илье была дана возможность дальнейшего учения. Олег впоследствии стал художником, а Илья – профессором. Эту историю с Толстыми рассказала Зоя Николаевна Ашхарумова-Ольшевская, проживающая в старческом доме в Белой Церкви, перемещенном позднее в село Стари Лец.

Зоя Николаевна рассказывала о жалких условиях жизни в старческих домах, грустнее всего было то, что интеллигентных, образованных русских смешали со всяким сбродом. В спальнях спали: русская графиня, цыганка, русская баронесса, белоцерковская цыганка - проститутка, и тому подобное... цыгане хамили, издевались над интеллигентными русскими, которые чувствовали себя заживо похороненными, никому не нужным отбросом, в этих мерзких старческих домах. Зоя Николаевна рассказывала, что после освобождения русских из лагерей, вдова генерала Кутепова вернулась в Белую Церковь, вместе с остальными русскими. Им надо было как-то существовать. Многие находили себе, какую попало работу, лишь бы заработать и просуществовать. Так некоторые русские дамы ходили в склад при железнодорожной станции, где сортировали и упаковывали фрукты, сбивая из тоненьких дощечек ящики для упаковки фруктов. Наш воспитатель полк. Николай Евгеньевич Филимонов работал на складе. Газеты продавал наш полк. Николай Евгеньевич Карпов. Многие, не могли себе найти какой либо заработок, и буквально голодали. Некоторые стали переписываться со своими русскими друзьями и знакомыми в Америке. Узнавши о печальной судьбе соотечественников в Белой Церкви, русские в Америке отозвались на постигшую их беду и стали помогать, посылая посылки с вещами и продуктами.»

Мне бы очень хотелось продолжить повесть о нашем кадетском отступлении и мытарствах, постигших Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус. Прошу всех тех, кто может вспомнить и осветить это историческое событие и написать или позвонить мне. Сергей (мой брат) и я были вместе со всеми до Вены, где мы сбежали с транспорта.

Алексей Михайлович Ермаков
Кадет XXVII выт. ПРВККККК

Кадетское письмо № 101. Буэнос-Айрес, январь 2018 года. XXIII год издания.

Бюллетень русских зарубежных кадет. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса. Не издавался с 1961 года. С ноября 1995 г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник обязательна.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. **Электронный адрес:** kadetpismo@hotmail.com